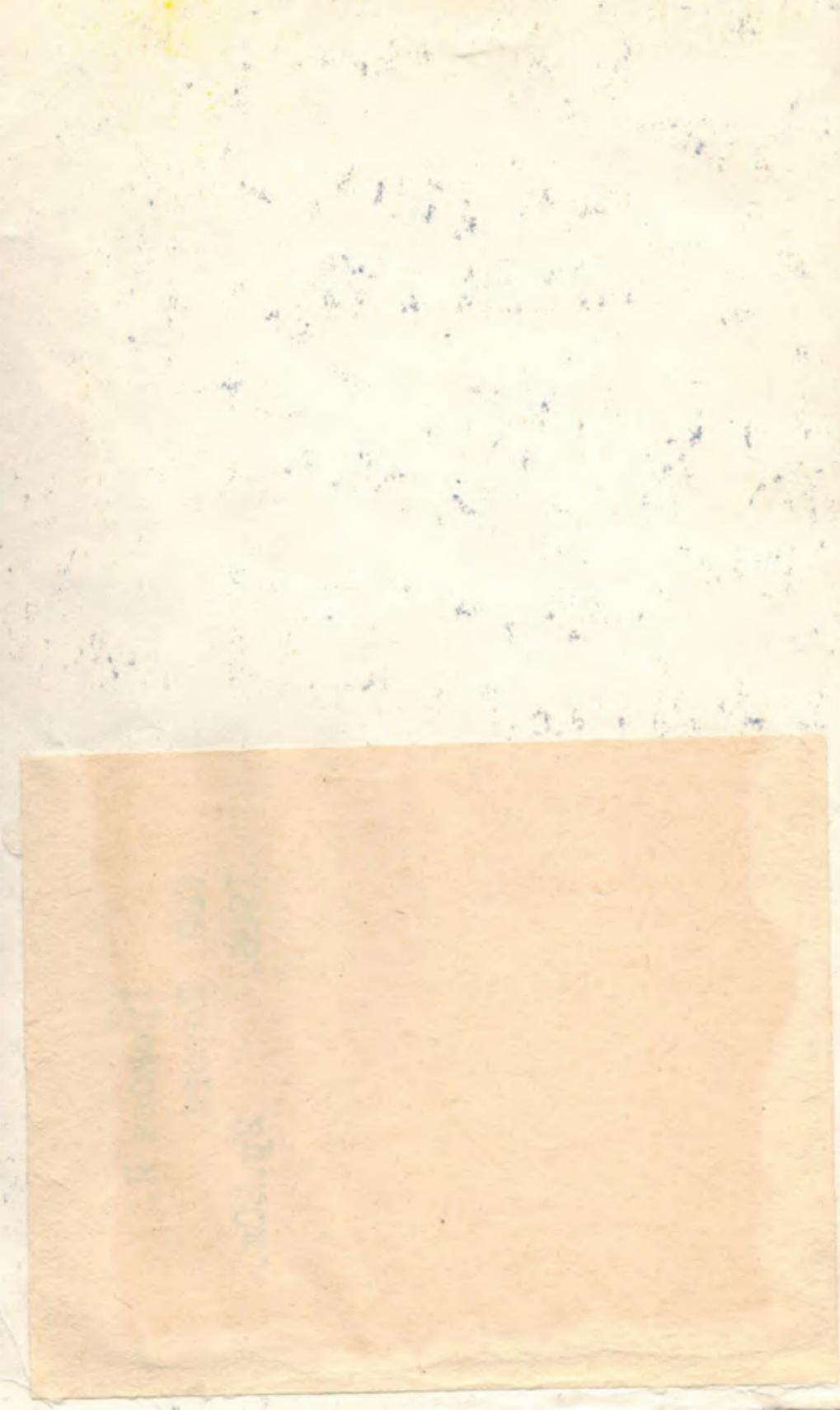

84 Р7

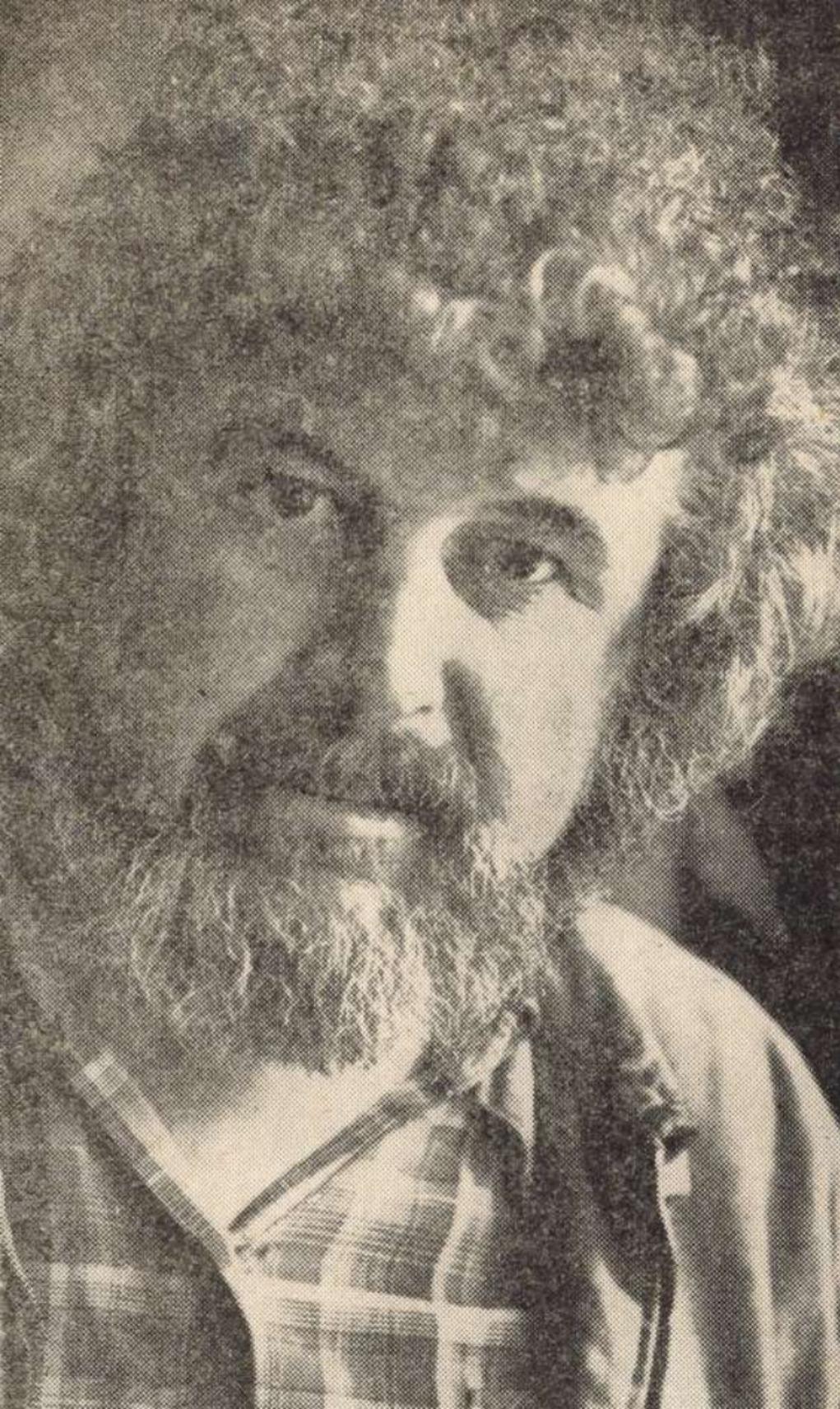
А 55

Александр
Ашутов

Заложник
Пряжок

94 02 07 12 Р+

84Р7
A55

Ал. Алшутов

Загжной Прижок

Книга стихов

Сыктывкар
Коми книжное издательство
1987

051450

Сыктывкарская ЦБС

84Р7-5
А 59

Рецензенты *Л. А. Аннинский, С. Ю. Куняев*

Художник *В. Б. Осипов*

Алшутов А. Я.

А 59 Затяжной прыжок. Книга стихов.—
Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987.—
128 с.

Читатели знакомы с ярким и увлекательным поэтическим миром Александра Алшутова прежде всего по сборнику «Север и Восток», вышедшему в Коми книжном издательстве. Герой его стихов то романтик, то отчаянный лирик, то умудренный жизненным и душевным опытом, все понимающий человек. Немало талантливых строк воспевают извечные человеческие добродетели — добро, справедливость, мужество, созидательный труд.

84 Р7-5

А 4702010200 — 005 34 — 87 м
М 128(03) — 87

(C) Коми книжное издательство, 1987.

Когда вопрос нелепый задают —
за что мы любим Родину свою,—
я, словом на него не отвечая,
всем существом

до боли сознаю,

что за Нее

во всем я отвечаю,
чего отнюдь другим не предлагаю,
на посторонних

не перелагая
сверхличную ответственность мою.

июнь 86.

ПОСЛЕ ПОЛЕТА

***

Ребенок начинает говорить.
Пока он произносит «папа-мама»,
вселенная гудит в его крови,
а слов на языке — безбожно мало.
И он без слов

мучительно поет.

Молчать нельзя. Ведь столько им открыто!
И он мычит —

так, как мычит поэт,
когда слова приходят после ритма.
Пускай, не понимая ничего,
над ним лепечут:

— Ах, какой он милый!

Ребенок знает: Мир поймет его,
раз взялся он

за сотворенье
Мира.

***

Ты говоришь:— Три года это много!
Но знаю я: куда б не шел солдат,
он сокращает трудную дорогу,
которой возвращаются назад.
И каждый шаг в чужом и незнакомом
нас не уводит,
а приводит к дому.

55.

Вкус земли

Кто землю, изголодавшись, попробовал,
тот знает вкус ее чистый.
Так пробуют землю
глаза хлеборобов
и ноги парашютиста.
Я многих вкусов
знаю смесь.
Но вкус земли!
Им с ним
не сладить.
В нем сладость есть.
И горечь есть.
Как в бортпайковом
шоколаде.

56.

Будни

Строгий,
размеренный,
трудный,
он мною всегда любим —
рокот полетных будней
и тесный уют кабин,
когда парашютные лямки
крестят заботливо грудь,
и моторист на стоянке
машет рукой:

— Добрый путь!

Выпущены закрылки.
Встречный ветер — хорош!
И отдаётся в затылке
бегущей бетонки дрожь.

110...

120...

140...

180...,

и — взлет.

Все нарастает скорость:
— Только вверх и вперед!
Земля упливает влево.
Качается под крылом.
Летчика нелепо
Сравнивать с орлом.
Небу пора называться
Небом людей.

Неспроста
птицам сюда
не забраться:
для птиц — велика высота.
А мы
высоту эту

любим.

И мы в высоте

не одни.

С земли наблюдают люди
сквозь ночь

бортовые огни.

Их видят матросы на судне,
шофер,

часовой на посту...

Земные равняются будни
на летную высоту.

58.

После полета

В ушах стоит такая тишина!

Она сильней, чем самый сильный гром.

Сегодня

налетали мы — сполна.

И под ногами вновь аэродром.

Окончены полетные часы.

Разряжены в кабинах парашюты.

А самолет — весь в капельках росы,
как будто он

вспотел

после маршрута.

Ведь он устал на боевой тропе

и тоже стосковался по стоянке.

Кузнечики приветствуют в траве
нас на знакомом языке морянки.

Полынная и теплая земля!

Она для нас

сейчас нужнее хлеба.

Так может землю
полюбить, как я,
лишь только тот,
кто так же
любит небо.

56.

Затяжной прыжок

— Пошел!
И начинается парашютный прыжок.
Встаешь с неуютной скамейки
старенького ЛИ-2,
стараясь, чтоб друг не заметил
содержимую едва
скрытого нетерпения
саднящую горло дрожь,
и под моторов пение
в затылок другу идешь.
Страха нет.

Был страх,
когда к самолету шагал
на старт.

А теперь:
в открытое небо — открытая дверь.
И, как из бутылки шампанского,
выстрелом на ветру,
освобождая пространство,
в ней исчезает друг.
Носок — на кромку.

Взгляд — на землю:
она — не та,
к которой привык,
а так,

что-то вроде туристской схемы...

И ты,

напружиняясь,

на полукривых,

по-птичьи,

руки раскинув в стороны,
лег на воздушный поток мотора.

Уносятся вверх его свист и шум.

Но рано тебе

раскрывать парашют.

Нет.

Этот миг

еще не настал:

в запасе твоем — твоя высота.

Испей ее,

хватит насколько сил,
путь падшего ангела повторяя.

И небо

о милостях

не проси,

власть над самим собой теряя!

А руку, на сердце положа,

по своему велению

почувствуй

смертельную сласть

виража,

тебя заносящего влево.

На бессердечную часть груди

положишь другую руку,

и тут же

вправо

начнут крутить

небесные силы круто.

Так будет потом вертеть тебя жизнь,

когда доживешь до полсотни.

Но это когда?!

А пока — держись!
Ты еще молодой сегодня.
Но вот и пора

в конце-концов
дернуть спасительное кольцо.
Ключицами ты
ощущаешь удар:
свобода паденья
впрягается в лямки,
и белого купола полушар
расцвел гигантской
матовой лампой.

Внизу,
под тобой,
лишь начало рассвета;
запах земли,
и распелись птицы.

Ну, разве было б
не глупо это —
в такое утро
взять
и разбиться?

Нет! Тебе еще жить и жить.
Счастливый ты, брат Саша...
Имеешь право — ликуй от души:
марсианским кинопейзажем
плывут очертания ГээСэМ.
Твердая почва —
близко совсем.

Серебром мерцают бензобаки,
отражая пасмурную зелень.
И твои унты,

как две собаки,
внимательно обнюхивают землю.

Случай

Апрель.

Рассвет.

Скворцы домой летели.

Кипела ими голубая высь.

Они летели.

В каждом птичьем теле
пульсировала маленькая жизнь.

А мы?

Мы с непреклонностью устава
шли курсом,

продиктованным КП,
и не имели

никакого права
их обойти

на боевой тропе.

Не мы,

а птицы сделали ошибку.

Но разве дело в том,

кто виноват,

когда их кровь и перья — на обшивке
и взгляды отчужденные ребят?..

Столпившись экипажем, мы молчали.

А командир, летавший всю войну,
так зябко передернул вдруг плечами,
что каждый ощущил

свою вину.

И стало холодно

под мехом курток.

И кто-то крепко выругался вдруг...

Я пальцем о ладонь гасил окурок,
не замечая обожженных рук.

Потом машину мыли мотористы:
упрямо терли тряпками, пока
наш самолет

не стал, как прежде —
чистым.

В обшивку
засмотрелись облака...

57.

Встреча

Он сидит на пляже — нос ястребиный,
а под сердцем

выколот

истребитель:

самолетик, послушный винту,
на каких летали в войну.

И смешно себе представить,—
вот комедия!—

он когда-то был моим комэском,
в наказанье давал мне наряды...

Мы сидим вдвоем на пляже нарядном.

Загорелый, обрызганный пеной,
он теперь получает пенсию:

На работе он горел

не раз,

а три.

В репродуктор

заливается артист:

— До-ми-но!..

До-ми-но!!.

Мы играем,

мы играем в домино.

И не смотрит он

на летные погоны.

Для него теперь — нелетная погода.

На песке он «забивает козла».

Ему платит,

ему платит казна.

Вот по-юношески резко, изловчившись,

он поднимется, не глядя на мальчишек.

Все выше...

и выше...

и выше...

Заберется на пляжную вышку.

И мальчишки застынут немо.

И в воде

отразится небо!

Мне смотреть

и горько-радостно,

и жутко,

как он ласточкой

простерся парашютно...

Под ребят восхищенные возгласы

рукой плотно пригладит он волосы.

Натянув пиджачок без колодок,

подмигнет мне глазом холодным.

И мелькнет

непривычным костюмом.

И уйдет

в мир жены

и кастрюлек.

А под сердцем — попробуйте

выньте-ка! —

самолет

до последнего винтика.

Стихи про пятую норму

У той нормы

был номер:

не простой — «Пятый — А»!

Мы всегда были в норме.

Если полк бедовал,
и с черняшкою — бледно,
и в котлах нет воды,
нам для лётных обедов
хватало еды.

В расписании четком
нас вели на прокорм:
округленные щеки —
окрыленный погон.

Шли мы строем к столовой.

И при виде тех рыл,
полыхавших здоровьем,
натощак технари,—
затянуть бы потуже
непослушный ремень!..

С горькой нежностью службу
вспоминаю теперь.

Снег крахмальный над юбками,
как со школьного бала,—
официанточки юные
нам обед подавали;
но с улыбкой холодной,
как глаза стюардесс...

Так снимали мы летний,
стратосферный наш стресс.

Шевелилась калорий
живая шкала.

Нет, я не был голодным.

Я жевал шоколад.

Нас кормили так сладко,

сытно так...

Бог с тобой!
Нас кормили на славу.
И еще —
на убой.

59.

Граница

Мы рано утром сели в Заполярье.
Наш самолет
шатался под норд-вестом.
Мы ежились,
машину заправляли.
А в километре — ежились норвежцы.
Был между:
столб...
табличка...
пять гвоздей...
За ними
цвет и легкость
сохранивший
кружился снег.
Кружился, как и здесь.
Такой же снег.
Но только — заграничный.

56.

051450

Сыктывкарская ЦБС

Завещание воздушного стрелка

Если не зарулим
завтра на стоянку,
только над бетонкой
полыхнет заря,
за меня получишь
теплые портянки
и раздай мой летный завтрак
технарям.

Это значит, что-то
с нами получилось.

И направлен прямо

с облака я

в рай.

Сообщи все маме,

соблюда учтивость.

А придут мне письма —

их не собирай.

Их на самокрутки

выдай мотористам.

Красною махоркой

из Кременчуга,

засмолив в курилке,

путь сожгут их чисто,

в легкие вдыхая

нежные слога:

как меня любили...

— яблочки взъ

А придет посылка — яблочки возьми.
Пожуши их с хрустом.

Ножуешь их с хрустом...
Ну, а станет грустно.

Ну, а станет грустно,
ты не постесняйся —

ты не постыдился — 600 ми-

BUCKLE...

Репортаж с самолета, который «ушел в сторону моря»

О нем это, об убитом, телеграмма.
О закройте, закройте глаза газет!

(Владимир Маяковский)

Чужой перехватчик ушел в ночь,
на грохот турбин намотав нервы.
И

Не стоит выяснять:

ЭТИМ

нам не помочь.

Не стоит выяснять,

кто стрелял первым.

Мы сбиты,

ГОРИМ,

нам уже не сесть.

Внизу океан,

Далеко до суши.

— Невидимка!

Я - 26.

Слушай!

Слушай!!

Слушай!!!

Мы — нарушители чьих-то границ.

Пусть заголовками пресса балдеет:

«12 ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ»

ТРАГЕДИИ Б-29...»

Нас уже нет.

,
хоть мы живы пока.

А если понадобятся

наши биографии,

ищите их

в документах полка —

там даты.

звания,
фотографии,
Короли репортажа,
сенсаций,
реклам...

— Смотрите,
киношники и журналисты!
Лиловое пламя
радиоламп
лижет бледные,
потные
щеки радииста.

А кто-то
рукой с золотым кольцом
там,
может, ее
прижимает в танце?

...Мертвый стрелок
с разбитым лицом
обнимает
при цельную станцию.

Там в губы целуют.
А я — убит.

Но завтра утром.
Очень скоро!..

Цифры бредят.
Как в лихорадке дрожит
плачущий фосфором пульс приборов.
За утренним кофе
в шелест газет

вольются аккорды
дипломатических нот.
...В передней кабине
погас свет.

Кажется, умер
правый пилот.

Слушай!!
Слушай!!!
Крошатся звезды.
Звенят блистера.
Мы — металла горящего глыба.
Сердце давит
и голову давит
жара.

Внизу
    ждут голодные рыбы.
Быть может
                разбитые звезды и есть
разбившихся летчиков души?
— Невидимка!
                Я — 26.

Слушай!
Слушай!!
Слушай!!!
По переулкам
метлой прошуршат
холодные пятки
босого рассвета.
Мальчишки-газетчики
в дверь постучат,
и мама
узнает про это.

Дрожащие строчки
посыпаются пудрой.
Слова в них черствей
бортпайковых галет.

Мама,
слышишь меня?
Завтра утром
не надо читать газет...

Ноябрь 56.

Как я вернусь

Я пройду
через озябший сквер,
мимо неоткрытых магазинов...
постучусь...

И вдруг
откроет дверь
незнакомый
заспанный мужчина.
Вам кого?..
Мою жену?!.
Она еще не встала...
Что передать?..
Откуда?
Кто вы?
Виноват!..

Я усмехнусь:
— Скажите, что с вокзала
к ней заходил
вернувшийся солдат.
Заспанный мужчина удивится.
Разве сможет он когда-нибудь понять,
что бывает с подожженной птицей
на высоте 11 и 5?
Когда с ветром
поцелуешься взасос

и летишь,
летишь в ничто со свистом...
И выстукивает сердце СОС
на звенящих нервах бортрадиста.
Разве он когда-нибудь поймет,
что под маской
равнодушных шуток
я качаюсь,
как расстрелянный пилот
на ненужных стропах парашюта?
А с земли
всем кажется,
что жив.
Что ж,
натянем юмора постромки.
Незачем
показывать чужим
счастья
обгорелые
обломки.

56.

Вдохновение

Запах мокрой сирени.
Клочок пароходного дыма.
И рождается строчка.
И становится
чьим-то стихом...
Так проходит
прекрасная женщина мимо,

которая всем нам близка,
хотя с нею
никто не знаком.

56.

Утро на Патриарших прудах

Отвергая древнее поверье,
будто только перед смертью петь,
лебеди отряхивали перья,
и звенела в клювах песни медь.
Эта песня

с первобытной страстью
славила рассвет над головой.
Вот такое же

простое счастье
чувствует с рассветом
часовой.

А над мостовыми
было пусто.

Начинался новый
трудный день
безыскусно грубого искусства
жить, работать, петь

среди людей.

58.

ГОРОДА МОЕЙ ЮНОСТИ

***

Идут стихи.

Они — вокруг да около.

Идут стихи,

меня едва касаясь.

Аукают

и по-волгарски окают.

Они гудят

живыми голосами.

И воздух,

их дыханием насыщенный,

клубится атмосферой

ста вокзалов.

Идут стихи:

таксисты и носильщики

с чужим добром

гримящими возками.

Идут стихи:

пенсионер столетний —

он в домино

vas с форой обыграет!

Марают форму
школьники-сонеты,
и хулиганят
дети-эпиграммы...
Доступней автоматной газировки
текут
в пылу студенческих полемик...
Стих-девочка
косится глазом робким
на женщину,
плывущую поэмой.
Идут стихи.
Скорей!
Навстречу выбеги!
Спеши!!.
Потом успеешь разобраться...
А я стою.
И ни строки не выберу
из этого
стихов
разнообразья.

61.

***

Я мыл до блеска
МАЗу рыло
по локоть в стынущей грязи...
У магазина «МЯСО-РЫБА»
я туши мерзлые грузил.
И люди
мясо выбирали,
пытливо пробуя на глаз.

И, выбрав,
чеки выбивали
у пулеметно быстрых касс.
Покуда двери не закроют,
таскал я туши.
Дотемна.

Я нес.

Я нес им
мясо с кровью.
Но было всем нѣ до меня.
Сновали люди торопливо
во власти кухни и стола.
В отделе,
где живая рыба,
они толпились у стекла.
Меня досада забирала.
Но, горло замотав шарфом,
я вновь садился за бараку.
Я был отчаянный шофер!
Давил на плечи
кузов полный.

Я гнал и гнал...

И тормозил.
Я до сих пор
отлично помню
 тот
мясорыбный магазин.

59.

Апрельский снег

Он себя уронил
в самых дальних районах

под коней вороных,
в след машин вороненных,
запоздалый,
невольный,
крася в белую зиму
ярко-синие «Волги»,
черно-бурые «ЗИМы»;
и по стеклам,
как дождь,
растекался водицею,
и в холодную дрожь
вгонял руки водителей...

Ослепительно светлый,
через сумерки серые
он просыпался сверху
и рассыпался скверами —
мимо окон погашенных
и уже подожженных
на пустые багажники
и на баржи груженые...

Освежающе-мятный,
оседающий мягко
на детские пальчики
и на тесные парочки,
на романы бульварные
и трагедии скверные,
на лампады фонарные
и лопаты фанерные...

Загребать его до ночи
будут белые дворничихи.
И кружится кругами
по уснувшей Москве,
собирая в курганы

непослушный им снег.
И сметут его.

Начисто!

...А он только что начался.

59.

***

Всегда умен язык народный.
Не в бровь,

а в глаз

он словом бьет.

Любая женщина — дородна,
когда она

ребенка ждет.

Или возьмите землянику.

Под грузом

зреющих семян

она

к земле,

краснея,

никнет,

и в каждом слышится:

Семья...

60.

Русская поэзия

Нет!

Не баяны,
не гармоники,
не соловьи

под пьяный вечер...
А если соловьи — Разбойники!
Баяны — так Баяны
Вещие.

Из-за нее

теряли головы —
всерьез, в ладони палачам —
те, по кому

Китаев-Городом
рыдала медная печаль.
Но зря

в хоромы
мчался нарочный,
божился:

— Нет ее...
Ей-ей!

Ведь были
головы те
на руку
в конечном счете —
только ей.

Она,
не спрашивая визы,
и, не выпрашивая прав,
идет
в век всевозможных физик
сквозь век
физических расправ.

61.

Города моей юности

С нежностью вспоминаю вас, города моей
юности!
Вас еще не было на географических картах,

но по улицам уже не ходили медведи.
Зато голубые песцы еще забредали
на помойки
и даже забегали в подъезды
крупнопанельных пятиэтажек.
А белые куропатки, смешавшись
с полярной выногой,
бились насмерть об электрические провода,
несущие свой яркий, хотя и часто
гаснущий свет
в четырехметровые кухни
необжитых в своем постоянном неуюте
холостяцких квартир,
каждая из которых
была Кухней Творчества.
Потому что именно в них
бесконечными зимними ночами
зарождались самые смелые замыслы
моих тогдашних друзей.

86.

***

В той глуши,
где кровавая клюква
созревает в туманах болот,
до того запустело и глухо,
что глухарь
без опаски
поет.
Распустив индюшачьи перья,
опустившись на мох
свысока,

исторгает он
странное пенье
ностальгией
по давним векам.
Когда бледный
глазастый убийца
не грозил продолженью семьи,
и давал бог
деревьям и птицам
управлять
всей Землею
самим.

Северные Черемушки

В нашем подъезде не пахнет свечкой
из воска —
в нашем подъезде пахнет свежей
известкой.

А возле подъезда
зелеными самородками
тянутся тесно
и вкусно по-детски
кустики черной смородины.

И краны подъемные самого крупного
роста,
под ношами разного веса
отвесив поклоны,
железными лапами машут
и мажут в небесную синь купороса
подножки отвесно идущих на взлет
разноцветных балконов.

И строится в строгие линии новая стройка
от корпуса «А»— и до замеса корпуса «Е»,
и ливнями — стекла:
в них солнца расплавлено столько!—
Для замыслов хватит свободно для ста
Корбюзье.

Домов боевые, верней — бытовые, порядки
(дома, ведь они — существа самой мирной
породы)
войну объявляют маньчжуркам и стыни
бараков,
войну объявляют мишурностям стиля
барокко.

А по ночам фонарь золоченые стопки
прямо отсюда бегут облучать
зелено-черные сопки.

63.

Сахалинская столовая

Клубящийся пар
возвещает о щах
в горячем, высоком порыве.
И очередь
знатно гудит натощак
в обеденном перерыве.
Гогочут матросы, ватагою шумной,
стараясь добраться до столиков.
И молча пьют пиво
суровые штурманы
с глубоким,

морским достоинством.
Усталый корейский учитель в пенсне,
сюда заскочив
на большой перемене,
с завидным проворством
глотает пен-се —
громадные пельмени.
А возле учителя
с жилистых рук
до плеч
рукава засучил
лесоруб:
умело рубает
пудового краба
с клешней
чуть поменьше
портового крана.
И всюду на блюдцах —
«Попробуй, как
вкусно!» —
заморское блюдо — морская капуста.
Но сразу
пуды эти
кажутся легкими,
тарелки и ложки — игрушечными,
когда вдруг столкнусь я
нечаянно локтем
с подсевшими к столику грузчиками.
И это во мне
не рождает неловкость:
мне чувство
такого стеснения
чуждо.
Не знаю, как в вас,
а во мне чувство локтя
рождает большое, хорошее чувство.

Я чувствую себя их однокашником,
я съел немало вместе с ними каш!
Я сознаю себя их одноклассником,
поскольку ведь и я — рабочий класс.
Поэты —

это тоже пролетарии.

У нас во многом

очень общий быт.

И я вполне доволен пропитанием,
которое дает мне ОБЩЕПИТ.

Согрет работой,

а не лисьей шубой,

не надо

ни двора мне,

ни кола...

Поэты, моряки, и лесорубы

здесь силу черпают

из одного котла.

60.

Южно-Сахалинск

— Южно-Сахалинск?

— Вьюжно-Сахалинск!

— Эй, посторонись!!

— Эй, склонись!!!

Грузные столбы

гнутся, как стебли,

белое бельмо метели...

Так пугали меня от тебя вдали.

Ну, а я все это с тобой делил,

как синий «Беломор» с друзьями делят.

Брали «на ура»,

врали про буран...
Ну и тыфу на них, грош цена им!
Я тебя без всяких кокетств
принимаю таким, как есть,
с тайфунами и цунами.
Я ведь знаю: под снегом растет бамбук,—
увидать его им не хочется.
Их пугают 13 букв
твоего имени-отчества.
Ты меня к другим городам не ревнуй!
Слышишь? Слышишь ты меня?.. Умница.
Ты ведь знаешь: я все равно вернусь
на твои дымные улицы.
Ты ведь знаешь, как я тебя люблю,
как я жду, чтобы мне позвонили.
Я, любя, и в Москве по ночам ловлю
твои утренние позывные:
— Южно-Сахалинск!
— Вьюжно-Сахалинск!!
— Снежно-Сахалинск!!!
— Нежно-Сахалинск...

61.

Кордон белых цапель

Норе Ганской

Замшелый дым рассветных тополей
встает в окне забытого кордона.
О, как мне тяжело тобой болеть
так пасмурно, так пристально, так долго!
Наивным было, здравость торопя,
лететь стремглав в края охоты царской.

Я каждый день
встречаю здесь
тебя,
когда смотрю на тонких белых цапель.
Они нисходят из-за туч с утра.
Они подходят
к самому кордону.
Не знаю я, что их влечет сюда,
но цапли чувствуют себя со мной,
как дома.
И мне приносят трепет длинных ног,
таких твоих, беспомощных и хрупких,
как будто ноги вспоминают ночь
и темные мои мужские руки.
Царевна-лебедь! Ты — навечно в них.
В зрачках моих
за боль твою отмщеньем,
как волосы твои, струятся вниз
их перья
пеньем лебединой шеи.
Как поза-позапрошлогодний снег
далекой, соколиной, графской эры.
Как давний свет в угаснувшем окне,
где обитали Ганские фон Эгер.
Я светом тем навечно облучен.
В нем суэтность смешна мне
дел и планов.
С ним обручен,
как будто обречен.
О, господи,
как хочется заплакать!
Судьба моя,
проклятая,
жена,
любимая,
нисровергатель мнений...

Моя и не моя.

Как тот журавль,
Как мой журавль,
который вечно в небе.

Астраханский государственный заповедник. Кордон
№ 3 на реке Овчинникова.

66.

***

A. Мошеву

Рисуют дети разноцветным мелом
на тротуарах влажных городских.
По черному

легко рисуют белым
и розовым,
и бледно-голубым.

Пока
играют в классики другие,
сгорая

на игрушечном огне,
рисуют дети,

странные такие,
от салок
и скакалок

в стороне.

Так неумело,
молчаливо-смело,
пока лихие сверстники
кричат,
испачкав пальцы
нежным

ломким мелом
и солнечным осколком кирпича,
они бросают
под ноги прохожим
рисунок,
обращенный небесам,
на взрослых.
откровенно непохоже
фигурки неземные набросав.
На всех асфальтах
под кирпичным Солнцем,
как чудо после северной зимы,
рисуют дети
беззащитно стойкий
и беспощадно
разноцветный мир.

67.

Баллада о кавалерии

Каурые и белые...
Соловые и рыжие...
Проходит кавалерия
галопами и рысью.
Проходит в чьей-то памяти,
живая,
как в кино,
озаряясь пламенем,
а вокруг — темно.
И снова,
в седла влитые,
качаются в потемках
витязи в увитых
дымкою буденовках,

бурки обгорелые —
на худых плечах...
Проходит кавалерия
по глухим ночам.
И едет с Первой Конной
под звон казачьих сабель
эпоху перековывать
в очках писатель Бабель,
с блокнотами карманными
(их пуля не пробила),
чтоб с вами мы «Конармию»
после полюбили.

Лавина кавалерии,
по-львиному ревущая,
была ты каравеллой
Колумбам революции.
У каждого Колумба
с околицы села
конницей Коммуны
открытая земля.
И коням залетным
к подковам золотым
яблочком зеленым
весь Шар Земной летит!
В правом блеске шашек,
сжав уздечку левой...
Браво-бесшабашная,
где ж ты,
кавалерия?

Так и не закончив
давние походы,
вдаль уходят кони,
в прошлое уходят —
каурые и белые...

соловые и рыжие...
Проходит кавалерия.
Уже ее не слышно.
За что, не понимаю,
коня мы так обидели?
Парады принимают
и то с автомобиля.
А то,

что было чудом
подкованного войска —
табун набитых чучел
в музее коневодства.
Соловые и рыжие,
в век атомный нелепые...
И все-таки

вы слышите?

Проходит кавалерия!

Проходит кавалерия
ночами рядом с нами,
с разбитыми коленками
мальчишескими снами.

Проходит утром ранним
в клубах горячей пыли
вся в незаживших ранах,
все неостывшей былью.

Над землей разбуженной —
в изрубленных рубахах,
под знаменем Республики —
безусые рубаки.

Под знаменем простреленным
и все же не потерянным,
вы слышите?

Вы слышите?!

Проходит кавалерия...

Негр

В. Лукьяннову

Негр идет
через Цветной бульвар,
через ветреный
морозный вечер,
Пробирает негра до белья
разгулявшийся московский ветер.
Жгут лицо снежинки, как москиты,
Плечи негра — в снежной пелене...
И ему
не улыбаются москвички,
потому что это
белый негр.
Не из Камеруна,
не из Ганы
он спешит через колючий снег.
Гулкий камер-юнкер
и изгнаник
с пьедестала
смотрит негру вслед.
Завязав метелью
бронзу горла,
смотрит,
и ему
понятно все:
ртутная, несказанная горечь
трудных и выскользывавших слов...
взгляды дворников
из темных подворотен...
встречных любопытство через верх...
почему
им белою вороной
кажется идущий человек...

Белоснежным торжеством повальным,
снегом на голову,
шляпы покривив,
негр идет.

Идет в кольце бульварном
с каплей
крови Пушкина
в крови.

60.

Шестидесятники

Шестидесятники!—
десантники
из наступающих эпох.
Жандармы хмурятся досадливо,
сорят охранка серебром
красивых слов,
позорных денег,
названьем Родины святым;
ложится черной
скользкой тенью
на их горящие следы.

Они у шпика
без ошибки
в глазах читают приговор,
и все ж
шагают беззащитно
к невидимой передовой,
душой спеша,
почти тоскуя
по неизбежности конца...
Уже свернули на Тверскую

с кругов Садового Кольца.
А там — сырье казематы,
этап в продутую Сибирь.
Их дома ждут

седые мамы,
но непридуманность судьбы
диктует самоотрешенье.
Пенсне блестящего стекло
проносит взгляд их
отраженьем
российских
праведных стихов.

Призвание
жертвовать собою
не всем доступно разгадать.
И не сулят пока свободы
семидесятие года.

68.

Триптих

I

Так смог бы написать Сезанн.
Но все равно:

натура — лучше!
Омытый радугой сизарь
припал с небес
к прозрачной луже.
В нее ступил легко.

И вот,
застыв в прохладе по колено,
он пьет.

Он просто воду пьет.
Но как он пьет самозабвенно!
Зрачки блаженно закатил,
залитые янтарным лаком.
С лазурью всей воды — «на ты»
его коралловые лапки...
Как руки, крылья заломив,
подстать

и вмасть

смертельной стали,

он кувыркался

до земли,

растаяв на глазах у стаи.

О, как он высоту ласкал,
объяв простор

любовью к риску,

как он купался в облаках,

искрящих грозовою искрой!

Так только турман турманит
в озоном пьяной атмосфере.

Притягивает так магнит

звенящий атомами феррум.

Он в небесах играл с огнем:

не зря по дымке перьев смутных

дрожит окалина на нем

зеркальным спектром перламутра.

Решись на это самолет —

запахнет дело керосином.

Не тело — дух святой с землей

так могут встретиться красиво.

II

Изменится капризный свет,

и колорит — убит, задушен.

В помине больше красок нет.

А сизый голубь из-за тучи —
не радужный и не стальной.
Кружка,
он вырвался из пекла.
Он там встречался
с Сатаной

Его одежды — цвета пепла.
Вот почему, прервав полет,
томим невероятной жаждой,
из лужи сизый голубь пьет
самозабвенно так и жадно.
Не поддавайтесь миражу,
а верьте только правде голой.
Хотите,

III

Как голубь пьет?

Как конь.

Он погружает

свой клюв,

как лошадь морду — по глаза.

И влага,

содрогнувшись,

отражает,

что увидал бы он, взгляни назад.

А позади —

чердак, забитый пухом...

милъон голубок

ласковых и глупых...

полет

в бездонных высинах

налегке...

и зоркой тенью
коршун
вдалеке.

69—86.

Ипподром

Зачем приходит он на ипподром —
потомок дальний
давних землепашцев?
Не для того,
чтоб сотню зашабашить
и с треском
просадить ее потом.

Нет!

Там, в подкорках,
силой ДНК,
сияньем всех купин неопалимых
в нем предки
до рожденья накалили
любовь к скрипящим сбруей дончакам.
Он помнит

ярость
вейки огневой
и маслениц языческих катанья.

Когда отняли
лошадь

от него,
в нем разрубили
надвое
кентавра.

И вот теперь
сквозь вереницу лет,

через асфальта
черные покровы
он различил
утраченный им след
той
драгоценной
золотой подковы.
Гудит азартом
бесконечный круг
дистанции
коварной и огромной.
И болью в сердце
расширяет грудь
приток густой
проснувшейся в нем крови.

70—84.

Осень

Поредела в густом
небе синь.
Пролетели гуськом
лебеди.

Над утками серыми
высоко-высоко
пролетели с Севера,
Севера и Востока.

Поводили в пути
крыльями
медленно, трудно...

Превратились в пунктир,
крикнули
медно, трубно.

След их снегом замело.
Опустились низко.
Сшили небо с землей
на живую нитку.

59.

Шампиньон

Предельно чуткий, как глухой Бетховен,
слепой и прозорливый, как Гомер,
он упирался в пласт глухой бетона
так, что бетон, поддавшись, загремел.

Воссоздавая взрыв урана зримо,
стоял грибной силач и чемпион.
И был сильнее атомного взрыва
от напряженья бледный шампиньон.

60.

Слон

Посреди зимы
больной и сонный,
африканский темперамент погасив,
слон вздыхает
старым пылесосом

изо всех
сверххлошадиных сил.
Если б сосчитали,
сколько съел он,
вкус к свободной жизни отравив,
горького
удушливого сена,
вместо яркой зелени травы!
Давние слоновые обиды
надоест усталому слону
втаптывать в сосновые опилки
и по бивням распускать слону,
напряжет тогда
свои он мышцы...
До сих пор еще
он всех мощней!
Но свистят
невидимые мыши.
О, как ненавидит он мышей!
Заключен пожизненно
за право
быть слоном
в казенный павильон,
перед вами
в зимнем зоопарке
за решеткой —
настоящий слон.

67.

Динго

Густой туман над зоопарком.
Общественная и ничья,
в вольере

дикая собака
тоскливо воет по ночам.
Здесь дождь,
                          как на свободе, мочит,
а пайку
                          сторожа суют.
Она
      уж волком быть
                          не может,
а стать овчаркой
                          не дают.

71.

Занимательная библия

— С кем поделиться
                                  сердечным добром?—
Взмолился Адам
                                  перед Богом.
Вопрос о женщине
                                  встал ребром.
Вышла женщина —
                                  боком...

65.

Из цикла «Свеча и сосны»

Я понимаю красноту сосны.
Нет, соснам вовсе нечего стыдиться!
Их выюги приполярные студили,
и в пламени окончат жизнь они.

И я хочу,
как свечи
и сосна,
прожить всю жизнь в строю
прямых и чистых.
Пускай сгорю —
не стану я лечиться
до времени
от вечного
огня.

РЫБАЦКИЙ ХЛЕБ

Невельск

Этот город-кастет
бьет в постылую морду
белозубое,
сиплое,
сытое

море.

Он, как кэтч,
напряженный
канатами ринга,
солью желтой
колотится
скользко

на рыбе.

И, как сеть,
сам не свой,
перекрученный круто,
в каждой клетке несет
отрицание круга.
Просмолён и просолен,

стрелы кранов нацелил
город — не образцовый,
потому что — не цель он.
Город, ставший рывком.
Город — сила и средство.
На руках рыбаков
его синее сердце
с примитивной и голой
толстогрудой наядой
иголкой
наколото
грубо
на якорь.

Город,
прячущий горе
глубоко-глубоко!—
На темное дно зрачка голубого
навернувшись грустью,
монотонными драмами...
невернувшимся грузом
многотонного траулера.
Невельск
с кошельком,
до серебра размотанным,—
невод
кошельковый,
для серебра разметанный,
он качает
свои команды
от Камчатки
и
до Канады...

Гостиница плавсостава

Непокойно
тела в наколках
пластая,
бормочет,

храпит по койкам
гостиница плавсостава.

Сбив по-ребячьи волосы,
обрушенно —
на подушки,
спит рыбацкая вольница
дружно,
единодушно.

Снится, наверное, снизу
стонущая вода...
стынувшие, сизые,
тонущие невода...
И ледяная корка:
шаг неверный,

и — кубарем!

Снится, наверное, койка —
душа кубрика.

Койка ходит,
будто живая:
хочет, колет,
будит желанья:
кожа — мышцы,
по коже — мурашки...

кошки-мышки,
кошка Машка!

А может быть, все это выдумки
бумажной романтики?

А мальчикам,
днем невидимые,

в снах

являются матери
в ореолах неброских
платков излинявшего ситца,
а на замерзших березках
заморские птицы-синицы
звенят у далекого Брянска,
заокеанского Витебска...

...Спит мое новое братство.

— Попробуй

узнай,

что им видится.

Гадай,

ненасытно улавливай,
доверься себе! —

Сможешь...

...Над дверью синяя лампочка —
глаз неусыпный моря.

Отход

Приходится парторгам ругаться,
гася нервность.

Отходит портовый, рыбаккий,
«в газах» Невельск.

Пахнет свежею тарой,
пахнет пивным баром,
вызывают гитары:

— Тары-бары!

Кто-то с другом украдкой
горькую пьет напоследок.

Кто-то, сгрудясь у крана,
горько целует в последний...

А кран — всего этого выше!

И краны на сто ладов
бочки швыряют,
как фишки,
играют в лото.

И крутят полые бочки,
ждущие пряной соли,
и грусти полную почту,
идущую до Бристоля.
Уже погрузили трали,
вот уберут трапы...
Вот-вот уберут сходни,—
шагнул бы к тебе,
да нельзя!

Сегодня.

Сегодня?
Сегодня

уходим мы «до ноля».
Вот горизонт тронет
склады и гаражи...
Вот океан дрогнет —
дрогнул наш «Геленджик».
С моря водица балует
радугой в семь цветов.
Смотрят вдовицами бабы
нерадостно,
без цветов.

Женщинам

это прощается —
здесь негде добыть сирени...
Траулеры прощаются,
трижды врубив сирены.

А ты

в весеннем пальтишке —
на причале,
стараясь плакать потише,
так печально

платочком без счета машешь,
что есть мобчи —
слезы по щекам мажешь,
платок мочишь,
солнце прикрыв рукою,
ладошку на лоб откинув...
А судно уходит.

Уходит!

Уходит на лов активный¹.
И машет,
путаясь в вантах,
чай-то зеленый затник...
А судно все дальше!

Дальше!!

Уже далеко.
Не остановится даже.
Уходит.

И так легко.

Собаки

Это стало как правило:
просто так, для забавы,
почти на каждом траулере
есть собака.

Она — пассажир внеплановый.
Минуя все портнадзоры,
уходят зайцами в плаванье
Жучки или Трезоры.

---

¹ Активный лов отличается от прибрежного тем, что судно находится в просторах Мирового океана много месяцев.

Их, как людей, укачивает,
и, очень грубые внешне,
рыбаки

за собакой ухаживают
удивительно нежно.

Бывает, волна, окатывая,
смыывает собаку
с бака.

И тут

бесполезно отгадывать,
где зарыта собака.

А чаще они выживают,
матросы четвероногие,
и молча переживают
собачье свое одиночество.

Но, если за много суток
впервые встречается судно,
глядят с двух бортов собаки,
выискивая собрата.

Увидят — всеми зубами
друг другу смеются с лаем:
в море любая собака
совсем не злая.

Встречей короткой растроганы,
хвостами помашут грустно,
и — в разные стороны,
человеческим курсом.

Сеть

Команда подана:

— Есть!

За борт отдана сеть.

Позади — на концах троп —
до конца

позабыт порт.

Ну, а здесь —

сельдь... сельдь...

Ну, а здесь —

сеть... сеть...

Нам не сесть баланду травить —

нам на сельдь надо сеть травить.

Не приходится здесь выбирать:

Сельдь!

Приходится сеть выбирать.

И, пока она травится

и выбирается,

в бока траулера

упираются

двадцать пар каблуков

скользящих сапог,

валит пар клубком,

сквозящийся пот

без спроса просачивается за борт

курток водонепроницаемых,

и просто — за борт,

круто забортную воду просаливая!

Плеснет вода

из огромных глубин —

пальнет, обдаст

огнем голубым:

свет всплывает

пылающим островом —

сеть пылает,

пылящая фосфором;
полная рыбы,
красивая,
пойманной рыбой
трассируя...

Будто черная летняя степь,
море бредит земным брожением.
Сеть горит,
как электросеть
высокого напряжения!

Киты

Киты прижались так друг к другу,
встав вровень с мачтой из воды,
как будто выбирали угол
к прыжку

до гаснущей звезды.

Как две космических ракеты,
по вертикали взвив тела,
они застыли на рассвете,
и вахтенный сказал:

— Дел-а-а!..

Раз у китов такая штука,
их бить

никто не помышлял.

Не отпускали даже шуток —
чтобы китам не помешать.
И только изумлялись тихо,
сочувствуя

мужской душой:

— Как кит сумел найти китиху?
Ведь океан — такой большой!
— Наощупь?

— Чувством обоняния?..

Они сплылись,
сплелися вдруг!
И нечем было им обняться —
природа не дала им рук.
Но, распахнув в улыбках зевы,
без третьих,
лишних в этот миг,
киты бы выдержали Землю,
взвалив на спины круглый Мир.
Могуществом китовых ритмов
шаталась баллов в семь вода,
как будто Сцилла и Харибда
столкнулись раз и навсегда.
Они любили так усердно!
Любовь была
не как игра.

В любви той было
столько сердца! —
почти 2000 килограмм.
Им было нечего стесняться:
мол, пусть глядят, раскрывши рот...
Мне до сих пор
киты те снятся:
в размахе северных широт —
два чудища,
морских животных
в фонтанах радужных смерчей.
Как утверждение живого.
Как отрицание смертей.

Голубая целина

Работа на море
тем и ценна,

что море — оно
всегда целина.
Возьми любой сейнер
или траулер средний.
Думаешь, он пляшет —
так,
«по воле волн»?

Нет.

Он море пашет,
работает, как вол.
Даже не вол —
как мощный трактор
денно и нощно
трудится траулер.
И след от него —
по всему Бристолю,
как в посевную
по весне — бороздою.

Да так,
что, распахиваясь возле,
волны кипят
разноцветными глыбами.
И только чай-то
зеленый возглас:
— Ох, ребята,
наверное, глыбоко?!

И, припадая,
к пенным воронкам,
вырытым,
вырванным
нашими трапами,
каждая чайка
белой вороной
летит
за своим океанским трактором.
И тянутся

белые-белые борозды
(все негативом,
вмасть,
«под ворону»),

у рыбаков — крестьянские бороды,
только — на молодых подбородках.
А их репортеры

ловят в кассеты...

А море — горше
степной полыни.

О нем иногда
вспоминают в газетах.

О них бы надо
слагать былины.

Но гаснут
океанские борозды.

Раз! — И сомкнулись.
Опять шабаш им.

Их каждый вновь поднимает
порознь.

И снова
мы пашем,
пашем и пашем.

Пашем с размахом.
Пашем глубоко.

Морем набрякли
синие вены.

Море,
оно не всегда голубое.

Вот то,
что оно — целина,
это верно.

Морские львы

Весь день работаем на палубе,
работы — выше головы!

А сивучи

у борта балуют:
морские львы.

И только

очертанья трала
начнут всплывать
большой авоськой,

у борта

закипает драка —
морские львы и чаек войско.

Приноровясь

ловчей упастъ как,
на наш улов

с налета ринув,

у львов

из самой львиной пасти
выдергивают чайки рыбу.

И это

вовсе не случайно,
хотя покажется и странным,
что множество

писклявых чаек
выходит с прибылью из драки.

А львы молчат и не кусаются.

Им солено

в морской среде.

Лишь промычат

и смотрят с завистью,
как мы

на шатком СРТ
вовсю играем звоном бочек
и заливаем в них улов.

Нам львы
мешают, между прочим.
Но все-таки
                мне жалко львов.
Глаза, как у собак,
                у сивучей.
И зря
                в них пропадает силища.
Ведь так глядят,
                как будто просят
немножко корма им подбросить.
Ну что ж,
                мы рыбки
                вам подбросим:
— Ты только успевай,
                лови!
Но все же, звери,
                под вопросом:
                мы или вы
морские львы?

Рыбацкий хлеб

Хлеб на судне пекут по ночам,
как пекли в старину на суше:
хлеб на сутки,
                самый насущный,
хлеб,
                в котором
                начало начал.
И, пока
                человек у руля
судном пробует управлять,

посреди сумасшедших накатов
судно
точкой поставив
на карту,
и в стеклянной,
негаснущей рубке
исчисляются
галсы
и румбы...
пока лопасти
хлопают в мыле
и лопатят
морские мили,
их мотают
и гложут,
и рубят,
кок
по локоть
голые руки
запускает
в сырое тесто
океанского хлеботреста.
Без учета штурманских формул,
по наитию древних поморов
хлеб густой,
самых грубых помолов
кок вбивает
в железную
форму.
Иступленно вбивает.
Взахлеб.
Пока хлеб
тяжело не вздохнет
над стадами
немых сельдей
и над плоскостью

всяких камбал...

Кок при этом
хмелеет как бы,
и качается
все сильней
до красна
раскаленный
камбуз!

И, большой темноте назло,
пока спят
непробудные кубрики,
ноздреватые на разлом
дышат
хлеба
пудовые
кубики.

Хлеб не сладкий.
Он даже горький.

Хлеб,
щекочущий
крепко в горле,
не рассыпчатый,
и не ватный...

Хлеб — под черной,
соленой коркой,
как ночная,
кромешная вахта.

Шатун

Медведь-шатун забрел по льду на судно.
Он трал легко зубами разодрал
и, хмурый,
весь от голода насуплен,

зарылся жадно носом
в драный трал.
Медведю,
как другим,
зимой не спалось.
И с острова
подался он в моря!..
Он жизнь
не стал
высасывать из пальца.
И в этом
тоже есть своя мораль.
И в том еще
огромное значенье,
что наш шатун
не стал других лютей:
он ел остатки рыбы заячейной,
спокойно ел,
не глядя на людей.
Язык колючим
снегом освежая,
ворчал, довольный,
путался в линях...
И палубу с медведем
освещала
не полная,
а жирная Луна.
Потом прилег,
усталый и осевший,
измазав губы
в собственной крови,
поскольку стукнул точно,
без осечки
казенный
капитанский карабин.

.....

Я понимаю: рваный трал — в убыток.
Медведь — шатун, и должен быть убитым...
Что нет нам мяса на Святом Матвее¹,
и, стало быть, оправдан пули щелк.
...Но лично я
не стал бы
бить медведя:
пускай себе шатается еще!

Интерлюдия

Постирано по-зимнему бело,
земным добром простертое на синем,
сырое, пресноводное белье
над мокрой солью моря молча стынет.

Оно цвело когда-то синим льном,
по ниткам шли земли живые соки...
Оно, светло поникнув, к сини льнет,
когда вот так душой по морю сохнет.

А на ветру, рождая птичий шорох,
и полотна суровостью нежны,
рубашки тянутся туда, где перед штормом
рубахи чистые нам позарез нужны.

Их рукава, как всплески рук рыбачек:
сорвись — любая чайкой долетит!
...Полощутся вдоль берега рубашки,
которые от тела далеки.

---

¹ Остров в Беринговом море.

Тайфун

В. Лукьяннову.

В такую погоду не боятся склянки
на баке —
в такую непогоду боятся на склянки
баки!

Взмывая горючим —
нефтью... бензином... соляром...
Взыва к орущим,
смываются, море заляпав.

В такую погоду в салоне у стойки
буфетчицы боятся:
в соленой сплошной неустойке
летает блюдце — летающим блюдцем!
И с удивительной ловкостью тонны
в грамм-атомы переходят.
И с удивительной легкостью тонут
громадины-пароходы.
И подливается масло
в зеленый огонь Курасиво.
И пот отливает с нас маски,
и пахнет вода Хиросимой...

В такую погоду со звоном в черепах
мертвые боятся.
В такую погоду в звонких черепках —
мордами бюсты!
В такую погоду теряется всякая видимость.
Такую погоду — Да! — не всякому
выдумать.

В такую погоду отличий не видно
и знаков.
В такую погоду отлично видно
изнанку.

А на земле в такую погоду,
ох, душно!
У женщин, что ждали мужей по году
екают души:
жмутся ведьмами жадно лбом
к мутным оконцам...
Жутко! Не ведает даже бог,
когда ж эта мука кончится?!

А когда она все же кончается,
море все еще долго качается...

И расплываются слоем горючего баки —
полощутся радугой по морю...
И расплываются слезы горючие, бабы
оболочкою радужной по Миру...

Эпилог

Кита
разделяют так:
за хвост — и вверх!

И вверх, по слипу...

Ты почему-то боязливо
сжимаешь нож
на длинной ручке
в руках.

От головы до ног
ты, изловчаясь,
с размаху рушишь
и погружаешь
этот нож
в кита.

— Втыкай как можно глубже!

И — шаг назад.

— Куда?!

— Вот так!..

Внутри кита

вздыхает глухо.

Кидает

из кита

фонтан

большой,

морской,

тяжелой крови.

На ней скользят сапог шипы.

И,

ужасающе огромен,

кит кажется тебе

живым.

Но это кажется.

Он — мертв.

Здесь не до живу —

быть бы жириу!

Ты под брезентом куртки взмок.

А рана делается шире

В нее

на первобытный сумрак,—

там, видно,

и таился зверь?!

ты первым

проливаешь свет,

выхватывая темный сурик.

Дробится солнце

спектром света

в туманной капле

спермацета.

Его запасы

так малы!

Но он — цена китовой смерти.

На нем вращаются миры —
миры космических косметик.
Легко,
свободно,
как по маслу;
от мазей — до губной помады,
приобретая при вращеньи
миллион различных превращений.
— Всмотрись в него.

Такая малость!

Но он —
как звездная туманность.
В нем враз,

как будто бы в росинке,
не зря сумели отразиться
тобой расколотое Солнце
и опрокинутые сосны,
те,

что до кроны
от кореньев
над кровью
страшным откровеньем
нависли вовсе не случайно!
И перевернутая чайка...

А позади гудящим фоном —
железные пустые формы.
И ты — над солнечным распадом.
И под тобою —

кит распластан.

Твой нож —
как отблески грозы!
А сам ты — по уши в грязи,
китовым жиром
смазан густо.
И где-то,
очень далеко,

невероятное искусство,
приподнятое

до икон
морскою пеной
высокой,
зовет

быть первым,
а не сотым...
И спрашивает строгим лицом
— Куда ты

в строку —
с каждым лыком?!.
Но сам ты

ведаешь — куда.
И делаешься

только злее,
и делается веселее
осознавать себя
вселенной
на ста разделанных китах.

Когда усталость
ломит мышцы,
ты про себя
смеешься мысли
о том,
что нож
не зря нацелен.

И в час
трагической игры
киты
участвуют на сцене,
входя,
как часть,
в актерский грим.

Тихий океан,
февраль — июль, 62.

СИЛА ТЯЖЕСТИ

***

Я год живу в дому стандартном.
А где-то, очень далеко,
мой переулок стародавний,
невозвратимо дорогой.
Он в океане мне Великом
являлся часто в снах про дом
продрогшой голубиной липой
над Патриаршим тем прудом.
Меня не ждут там
и не любят.

Там без меня
хватает дел.

Негероические люди
в нем разделяют
свой удел.

И, вечно думая о завтра
и зажигая свет чуть свет,
глотают наспех чайный завтрак
и строчки тусклые газет.

Гам, во дворе,
остался мальчик
и мячик,
взвившийся свечой...

Тот мальчик
заблудился в мачтах,
но он еще

предъявит счет
за то,

что дома толком не жил
и старый двор не сохранил.
За то, что долго тратил нежность
я на китов и Сахалин.

За то, что я бежал отсюда
под грузом мелочных забот.
И все ж

меня он не осудит,
он все-таки меня поймет.

Войдет,
как входят санитары,
со мной разделит
строгий хлеб...

Я рядом,
здесь,
в дому стандартном
с гарантией
на сорок лет.

64.

***
Мой отец тает...
Мой отец отцветает.
Отцветает не желтой

невесомой пыльцой,
а моим отраженным
невеселым лицом.
Он еще что-то сбивчиво
говорит, как во сне.
Как молчат о несбывшемся —
улыбается мне.
Но, как в старых деревьях
под усталой корой,
в красных сумерках дремлет
его древняя кровь.
Он мне что-то советует,
не стараясь ловчить...
Про свое, про заветное
убежденно молчит.
Он поспорил бы
жарко!
Но не спорю с ним я.
Мне всегда его жалко:
он — чужая семья.
И, не вызванный на спор,
про себя горячась,
допивает он наспех
мной заваренный чай.
Будто все понимая
и за все извиня,
робко вдруг обнимает
он в прихожей меня.
Не возражая,
выхожу за порог.
Я его провожаю.
Мы бредем до метро.
Знаю: он за мной искоса
наблюдает тайком.
Этот миг мне не высказать —
в этот миг он такой...

белизной запорошенный
смутный профиль отца.
Он, как всеми заброшенный,
облетающий сад:
облетает
и тает
так, что дальше нельзя.
Я беззвучно, я тайно
повторяю:— Назад!
Вспышкой молнии гаснущей,
отозвавшись во мне,
вспышка модного галстука
промелькнет под кашне.
Вот совсем он растает
в темной бездне метро.
...Влажный след заметает
белый дворник метлой.

68.

Страница биографии

Случилось, что я занялся циклевкой:
Паркеты по квартирам циклевал.
Кондовый дуб (квадратный метр —
целковый)
я чисто брил и, в лака целлофан
упаковав (Товар — лицом! Примите),
хозяйкам осчастливленным вверял.
Глаза их, пола от светом промытые,
поныне мне мерещутся в дверях.
Заметите, что, мол, поэту странно
осваивать такое ремесло?
Быть может, странно — в буржуазных
странах.

У нас физтруд — ценней прекрасных слов.
Наставник мой (я опускаю имя),
в конфликт вступивший кандидат наук,
так циклевал уже шестую зиму,
весною до зимы спеша на юг.
И те, кто прежде в Доме звукозаписи
писали мои дерзкие стихи
и на меня взирали с тайной завистью
услужливо-покорны и тихи,
те самые, кого — да что там! — сверху
я взглядом Гулливера наблюдал,
узнав меня, давились тайным смехом
(от явного — отпугивал скандал).
Но не был я за то на них в обиде.
Рубли их помогали выжить мне.
Их выжать нужно было в лучшем виде,
чтоб с музой снова встретиться во сне.
Для них полы стальная цикля гладила,
и, хоть искусством то не назовем,
но под ноги блистательно им ладил я
иконописно-лаковый назем.
Дизайн дешевый высветив циклевкою,
по-прежнему я звездной мукой жил
с глухим суперупорством Циолковского
в дерзаниях космической души.
Уют паркетный золотыми сотами
легко вздыпал до неба этажи.
Но помнил я, что мой удел — высокий,
и на полах — вовек мне не прожить.

**Из цикла
«Занимательная палеонтология»**

Здравствуй ящер!
Милый пращур,
кто тебя засунул в ящик,
застекленный дивный зверь?
Я пришел к тебе в музей,
как приходят на свиданья
к родственникам самым дальним
из забытых Мангазей.

Ну, зачем я, человек,
в пресмыкающихся век
завернул по доброй воле?
А ведь мог и не ходить
и к твоей змеиной доле
приобщаться погодить.

Не успел я так подумать,
дрожь рождая, ветер дунул
из музейной проходной.
И услышал очень глухо,
будто в янтаре я — муха:
— О, наш давний, наш родной!

И увидел: в двери зала
лентой пестрою вползают
лица скорбные друзей —
заполняют весь музей.

Не успел я оглянуться
(ведь закован в янтаре),
не умея изогнуться
(в том, увы, не наторел),

как из-под музейных сводов
воплощением свободы
в застекленного меня
смотрит сквозь очки змея.

И в платочка бумазею,
увлажня зал музея,
крокодиловы льет слезы,
рассуждая про меня;
и в толстенной книге отзыв
пишет, взглядом каменя,
вслух шипя:

— Прикройте дверь!
Не устав в платок сморкаться...
Обреченный, глупый зверь —
не умел я пресмыкаться.

86.

***

У каждого под крышкой черепной
пульсирует свой ШАР — такой ЗЕМНОЙ!
А НЕЗЕМНОЙ — у редкостных кружится.
Не прописаться в нем и не прижиться.
И не купить его. И не продать.
А можно только словом передать.

86.

Некоммуникальность

Сбился с ног я и щурюсь,
днем с огнем:

— Где он? Где?!

Человека ищу я,
как искал Диоген.
Я измучился.

Боже!

Ну, пускай это ты!
Надоела мне бочка
громовой пустоты.
Ты не видел такую:
в ней людей —

как сельдей.

Человек, я тоскую
все сильней,

все лютей.

Днем ищу, а не ночью.
Не найти...

не найти...

Дайте мне одиночку?!

Все равно

я — один.

65.

***

Л. Аннинскому

Сгорая в синем сабельном огне,
с мальчишечи-святой душой Гайдара
в атаку гонят взмыленных коней
безусые лихие командармы.

У них земля сырая впереди,
а позади — оборванное детство.
Летят они, себя опередив,
цветет в глазах
корчагинская дерзость.

Нет, не в глазах,
а в яростных очах,
таких,
как на раскольничих иконах.
Их губы
справедливостью кричат.
Их шашки
жадно просят
вражьей крови.

И отблеском
рождают на лице
к самим себе
прекрасную жестокость.
И, точно пуля,
поражает цель
свинцовое карающее око.
Летят они

в предутренний туман,
готовые от счастья разорваться.
Летят, неповторимые, туда,
летят туда,
откуда
нет возврата.

Пластаясь немо
белым полотном
сквозь мутный дым
старинных кинохроник,
сгорая синим сабельным огнем,
летят на нас
их взмыленные кони.

Сила тяжести

Подъемный кран,
ах, как я рад
твоим поклонам!
Тяжеловес
и акробат
одновременно,
ты даришь мне
сеанс
борьбы,
играя.
И, не смеясь,
вполне
ты был
бы вправе
над силой тяжести
шутить
серьезно.

1 Пусть для нее,
в угоду ей
ты создан.

Пусть даже
с места
не сойти —
неважно!
Ведь о тебе,
о ней
судить
не ваше
дело,
болтуны.
Верзила!
Железно
сверху
плуй на них,

верь: сила —
твое
и только
естество.

Эх, лапа!
Ты, хоть сто лет на месте стой,
их слабость
мешает многое постичь:
ты — выше!
Как не крутись,
не опустись...

Ну, выжми?!

Еще разок?..

Еще рывок!..

И — снова
озноб,
щекочущий ребро,
до зноя
согрей,
скрипя под ветерком,
разминкой.

За журавлиным косяком
размытым
не надо в близких облаках
тянуться.

На месте мы с тобой пока:
— Да ну их!

Печаль несет их за моря.
Немеет крик их...

Мы за плечами заменять
умеем крылья
на нашей вздыбленной земле
лишь ростом.

Хотя расти совсем на ней
не просто.
Всмотрись!

С тобой мы не одни —
над краем
кромешной ночи
жгут огни
другие краны
в бессоннице,
как ты и я.

Светло душе их
над силой тяжести стоять
с петлей на шее.

74.

Ведуты

Я люблю этот город
с его проходными дворами,
оглушительный грохот
и тихую горечь
слезящихся станций товарных,
его будничный гомон
и гул состязаний спортивных,
его уличный говор
со звоном гитар и с блатникой,
где вдоль тесных
и мутных каналов,
одеты немодно,
гуляют ночами
почти что портовые
жалкие шлюхи,
и воротами к дальнему морю,
пароходными бредя гудками,
почили
тяжелые,

ржавые шлюзы

печально.

Я люблю этот город.

И шоферов такси
вездесуще-лукаво-усталых,
виртуозов лихих,
vas везущих с вокзалов
через город огромный

к далеким,

бездлюдным,

туманно-зеленым заставам

и оттуда

по адресу точному
снова везущих вас к Центру —
пусть, мол, счетчик рассудит
и заставит понять широте его цену!

Я люблю этот город

с голубиными липами милых

старинных задворков
за желтой стеною и черным

чугунным забором,

где вне мелочных споров

молчит сам с собой,

как затворник,

одиноко над каменным креслом заброшен
сумасшедшее склонившийся Гоголь.

Я люблю этот город.

И бездомных влюбленных на задних

рядах кинотеатра,
беззащитно-беспомощно-нежных,

как будто слепые котята:

понимаю их тайные коды — мне это
знакомо! —

проносить свои страхи
и страсть
в темноте, вне закона,
под лучами проектора
или прожектора
горбясь...

Я люблю этот город.

Фантастичность еще необжитого
микрорайона,
где, как снимок изнанки Луны, котлована
мерцающий кратер
синим дымом курится,
приглашая ладони измазать гончарною
жиরною глиной,
и, продутые ветром, стальные прозрачные
краны
приглушенно курлычат,
окликая друг друга на тонком языке
журавлином.
Я люблю этот город.

А вот — белокурый фарцовщик
с почти заграничной осанкой
за «грины» предлагает
почти иностранному снобу
предпоследних фасонов
бутылки 0,75 налитые.
И странно
название водки «Московской особой»
со знакомо-двухцветной наклейки
играет латынью.
Зашторен за ним,

как загадочный шелковый кокон,
невидимый улице мир магазинов валютных,
где время рифмует икорку
с церковной иконой...

Мой город, я знаю: таким
тебя многие любят!

Матрёшкой — за трешку,
в горячей экзотике бубличной
с готовностью спящей царевной
заморских приезжих...

Ну, а я — я люблю его будущим
и люблю его прежним,

этот город...

67.

***

Когда мне говорить пытаются,
что людоед травой питается,
не продолжаю я беседу,
остерегаясь людоеда.

86.

Попытка непроизнесенного монолога

Зимний день недописанно-белый.
До свидания, мне не до вас,

тьму чернил недопившие перья.
Пряча трепет озоба, Данзас
говорит:

— Экипаж у подъезда.

Остальное со мной...

И при том
улыбается как-то по-детски
постаревшим морщинистым ртом.
Прогремели над Мойкой копыта.
Мчатся сани вперед, взгляд — назад:
всю дорогу я нес, словно пытку,
близорукий твой встреченный взгляд.
Пистолет и тулупчик вольяжный
на нетронутом чистом снегу.
Я за все расплатился однажды.
Больше я заплатить не могу.
Что он думает, мальчик усатый?
Поцарапает и... заживет?!
Свищ от пули — не насморк гусарский.
Только — насмерть.

Не на живот.

И шагнул я, напрягшись, к барьера
в наступившем молчанье вокруг.
Он конечно же выстрелил первым.
Неужели я падаю?

Вдруг?!

Гениальный, веселый и ловкий,
видит бог, умирать я не смел,
прежде чем, опираясь о локоть,
не пошлю ему верную смерть.
О, как жалко он вскрикнул!

И — рухнул.

Я подбросил лепаж к небесам.
И, не чувствуя правую руку,
к небесам потянулся я сам.
Освятив твое имя навеки,

я возник,
словно Спас
на крови
и упал в белый снег человеком.
Ты за это прости, Натали...
Как ломило мне душу и мышцы,
пока плелся обратно возок!..
Прозорливый потомок домыслит
выстрел этот
смертельный с азов.
И, ликуя, что выяснил первым,
с той догадкой помчит в Госиздат.
...Ты пойми:
я не мог,
чтоб к барьерау
мне навстречу
шагнул
государь!..

А потом золотую морошку —
на серебряном блюдце подал,
ободряя меня понарошку
собиратель словес наших Даль.

85.

Полуночное благодарение

Спасибо, добрый человек,
за огонек дрожащей спички.
Спасибо, собутыльник-век,
за то, что до конца не спился.
Спасибо, женщины мои,
за то, что вы меня любили.

Спасибо, чернозем могил,
за сладкий запах белых лилий.
Спасибо, верные друзья,
что есть у верности пределы.
Всему спасибо, что нельзя
вернуть назад и переделать.
Спасибо, автомагистраль,
за все попутные такси мне.
За то, что в мире столько стран,
в которых не был я, спасибо.
Еще спасибо от души
всем тем, кому кричал:— Спасите!
За то, что вы не подошли,
за то, что я дошел, спасибо.
За то, что полон рот забот,
которые лишают силы.
За то, что нет во рту зубов,
чтобы кусать других, спасибо.
Спасибо кошкам:— Мяу-мя!
Спасибо детям и собакам.
Вам, всем спасибо, кто меня
не разучил тихонько плакать.
Всему спасибо, то что есть.
За то, что хлеб назвали хлебом.
За то, что крыши ржавой жесть
не заменить бездонным небом.
За все судьбу благодарю.
За миг рождения и старость.
За позднюю мою зарю,
когда так мало жить осталось.
Спасибо рекам и морям,
которые меня качали.
Всем тем спасибо, кто меня
помянет, может быть, с печалью.
А нет — спасибо и на том.
И, да поможет им Спаситель!

Как гость, не застегнув пальто,
Я вымолвить спешу:— Спасибо.

70—85.

Похороны писателя

Талант закапывали в землю,
воздав таланту по делам,
отметив за талантом зрелость,
припомнив все, чем был талант.
А сам талант

в гробу добротном,
отлично выбритый, лежал.
Застегнут наглухо,

двубортный
на нем покоился пиджак.

И золотом

алмазной грани,
себя от праха оградив,
тонули в бархате награды
с большой, талантливой груди.
Их свет скользил вдоль смерти,

мимо,
чтоб вечно помнил стихший зал
все, что талант поведал миру,
все то,

что знал

и не сказал.

Чтоб в этом свете было легче
свой путь оценивать трезвой
всем, кто пришел прослушать речи
его талантливых друзей,
где между слов,

в разрывах пауз,
вникая в скрытую в них глубь,
талант, казалось, улыбался
концами подведенных губ.

А после

траурный автобус
под взмахи верных постовых,
минуя будничные толпы
непосвященных и живых,
плыл к той

тайной ограде
с ее величием простым,
где всем друзьям

и всем наградам
звучит

беззвучное «прости».
Могила... Гроб...

На лицах — горе
застыло,

как игра в замри.
И — крышка.

И по крышке — комья
сырой,
талантливой земли.

74.

Величание коня

Уважайте коня!
Этих бархатных губ прикасанье
сохраните признаньем в любви к вам
героических дивных эпох.
Обожайте коня!—

это всем вам мое приказанье.
Царь зверей — громкий титул.
Конь — животного мира
самый добный и праведный Бог.
Тихим звоном парфянских песков золотых
источенны
точены легкие ноги,—
стать такую вовек по дешевке
никому никогда не купить за алтын.
Ароматом полыни и вздохом ковыльным
трепещут,
распускаясь тюльпанами,
красные рупоры — конские ноздри,
чуя в воздухе запах кобылий,
напрягаются нервно,
лихорадочно-жарко застыv.
И трубит жеребец
над стесненным холодным железом
молчанья простором.
Вымирающий идол свободы
на планете
неужто уже не жилец?
И ему кобылица из мглы
угасающим эхом надежды
так долго, магнитно так вторит,
что за это все можно отдать
и потом никогда ни о чем не жалеть.
И судьбою грядет
под туманной звездой,
как ночная гроза,
непорочное, в общем, зачатье,—
Ну, какой тут порок,
когда зрелость шагнула твоя за порог!
От кого же, таясь, и зачем,
от кого защищаться,
когда в битве за счастье

ты так горячо и смертельно продрог?
Ублажайте коня!
Уваженье к нему умножая,
на ладонях, в молитве простертых к нему,
подносите хлеб-соль
и сияющий в твердую синь рафинад.
Не жалейте отборный ячмень,
чуть проклонутый силою
будущего урожая,
и в шипящем ведре дайте пива
со взбитым желтком
и зарей виноградной вина!
Объезжайте коня.
Но при этом — не обижайте.
А когда заартачится он,
к его уху склоняясь с седла,
перед барьером негромко ему
цель высокую самую пообещайте
и огладьте рукой
изумительной кожи зеркальной
дрожащий атлас.
И тогда отразится в коне
все, что скоплено вашей душою.
И тогда вам отпустятся
многие ваши грехи.
И откликнется вам наконец
добротой
лошадиное сердце большое,
как откликнетесь вы
на вот эти
совсем не простые стихи.

Март-апрель 86.

Комната

Г. Невскому

Жил в этой комнате мечтатель и мудрец.
Пройдут года,

о нем еще вы вспомните!

На всех на нас

с улыбкой он смотрел
из этой, недоступной взгляду, комнаты.
На тринадцати метрах квадратных,
посреди коммунальных удобств,
Вопреки безопасным стандартам
строил он удивительный дом.

Населяя его именами
на обложках любимых им книг,
он, привычек своих не меняя,
жил, как равный,
как брат среди них.

И, хотя он нередко был первым
в том, что создал,

отрекшись от сна,
он не знал Государственных премий
и признания, в общем, не знал.
Но зарядами бодрости скрытой
над невзгодами

и над враньем
проникал в эту комнату с крыши
жизнестойкий мотив воробьев.
Как-то раз без озлобленной ругани
он растаял вот в этих дверях.
Он оставил в столе свою рукопись.
Только кто-то ее потерял.

***

Она придет, Большая Доброта.
Она придет,

почти наверняка.

Как в море сталкиваются два борта,
которые сплылись издалека.

Как в темноте встречаются два рта.
Она придет,

Большая Доброта.

Она придет.

Наверное придет.

Мне кажется, она уже бредет
по свежезамороженной земле
и кое-где свои права берет,
рождая неуверенность во зле.

И обращает этим зло в озноб.

Все это предвещает, в общем, зной.

И, попадая под колючий снег,
уже не ощущаешь больше дрожь,
поскольку снег — он тот же теплый дождь,
но только

пребывающий во сне.

И чувствуешь: любая боль прошла.

А не прошла — хоть веришь, что пройдет.

Та доброта ко мне уже пришла.

Быть может, и к тебе она придет?

Диптих

Вера

I.

Единая и неделимая,
ты для меня, как Родина:
за все и навсегда любимая
до самой тайной родинки.

II.

Твое дыханье смешано с моим.
Мы спим с тобою?

Нет, еще не спим:
еще трепещут хвойные ресницы,
даря мне глаз любимых тихий свет,
чтобы цветами смог он отразиться
в моем надгробье
через много лет.

83—84.

Монолог автомобильного моста

Я — автомост.

Хоть я и не воздушный,
но каждый мой пролет,
как бы пролог
к седому небу.

Ветрами остужен
я взмыл легко
под тяжестью дорог
двух встречных,
параллельных,
слишком гладких;
несущихся:

— На мне стоять нельзя!
Асфальт натянут — ни единой складки.

— Счастливого пути!

Лети, скользя...

А почва — ниже,
врезана рекою.

От почвы оторвался я давно,
чтоб, дотянув
до берега другого,
навечно слиться с почвою в одно.

Не бойтесь!

Подо мной не сыщешь вора.

На мне
vas не приветит букинист.

Бесстрашные стрелки
системы ВОХРа
стеречь меня
бессонно
поклялись.

Всегда на месте я.

И вечной местью
за то,
что неподвижно я застыл,
акселератор —

выдавив под двести,
в сиденьях мягких
утопив зады,

вы
вроде бумеранга

надо мною
спешите день и ночь
туда-сюда.

Всегда один я.

И всегда
вас — много.

Но для меня полет ваш — суeta.
Я многое сказать бы мог про это.
Как неореалистов кинофильм,
моих два черно-белых парапета
запечатлели ваш колесный пыл.
Вот ссадина от бампера лихого.
Реаниматор душу не настиг.
И пьяный гонщик,
    а в быту — тихоня (!),
уэрел

с моих высот
    безмолвный Стикс.

Вот импортные девичьи сандалии,
запутанные в кроне над рекой.
Швырнули их,

    с попутчиком скандала,
решив,
    что подо мною

Рубикон.

А вот

    следы глухие лесовозов.
Им, как и мне,
    привычен тяжкий труд.
Я молча их приветствую,
    по-свойски,
спрямляя изнурительный маршрут.
А вот...

    Да, что там!
    Это все — неважно.
Спешите за моря и за леса...

Катитесь дальше!
Это — дело ваше.
Мне нынче
интереснее я сам.
Как, северной реки
осилив лоно,
с утра тянусь я
в низких облаках,
подъятый
на ассирио-аввилонских
пяти моих
незыблемых быках.
Над зыбкой ранью
пробужден басисто
в сияни мокром
бревен золотых
сиреной раскаленного буксира,
ведущего к ногам моим плоты.
Под ними — тьма и жуть
глубин далеких,
замытая изменчивым песком,
укрыла те,
забытые дороги,
которыми
не всем пройти пешком.
Бульдозеров и мамонтов останки...
Культурный слой,
истертый в порошок,
палеолита
временной стоянки...
И кости тех,
кто первыми пришел.
Рабочий день всплывает над рекою.
Пью клюквенной зари кровавый морс.
И не хочу я жребия другого:

я — над рекой
автомобильный мост.
Я — автомост.
Под гулом самосвалов
я выгнулся до бела
мой мозг спинной...
— Паромы?..
Броды?!, —
Бездарь!
Самозванцы.
Я — мост.
И вечно
бездна подо мной.

Сентябрь 85.

Занесенные снегом

Жене моей — Вере.

Снег идет предсказаньям назло,
вознесен меж землею и небом.
И куда только нас занесло?
Мы с тобой — занесенные снегом.
Занесенные так,
как гуляк
непутевых
поземкой заносит...
И не выйти отсюда никак...
И никто о нас больше не спросит?!.
Или так,
как нежданный привет,
с почтой посланный вдаль голубиной,
вопреки силе мрачных примет

вдруг заносится в окна любимых?
Пусть возьмется об этом гадать
наделенный могуществом неким!
Да и то,

отгадает когда?

Мы с тобой — занесенные снегом.
Жили мы, не жалея себя,
не трясясь над деньгой и талантом.
Нас с тобой разменяла судьба
на вот эти снежинки?

Да ладно!

Часто нам не хватало тепла,
хотя воздух насыщен был гарью,
и нередко с тобою до тла
не одни корабли мы сжигали.
Не жалей! Жили правильно мы.
И, впадая в позорную слабость,
мы не станем просить у зимы
свитки грамот охранных на славу.
Предназначена слава не нам.
Слава богу, решил я: бог с нею!
Тихо так,

что слышна

тишина.

Мы с тобой — занесенные снегом.
Эх, сюда бы теперь телефон
с ниткой провода длинной-предлинной!
Чтоб звук голоса плыл твоего
вдоль Арбата... над зимней Неглинной...
Чтоб над тем

заповедным столом,

точно гром

среди ясного неба,
вдруг послышалось в трубке:

— Алло!

Говорят
занесенные снегом.
И в ответ удивленно:— Алло?..
А метель в темноте
пребывает.
И становится так вдруг тепло,
Как во сне
только в детстве бывает.

85.

Две гитарные песни

Рассвет дымится звоном птиц,
а ночь — дождями проливными.
Пусть половина Мира спит —
не спит другая половина.
Земля несется, как корабль,
сменяя выстоявших вахту,
и на крутых ее кругах
слегка поскрипывают ванты.
Костры танцуют на золе —
огонь целуется с морозом.
Не пассажир я на Земле,
мы все, Земля, твои матросы,
пока сжимаем, не устав,
твои натруженные снасти,
светло всплывая в синих снах,
которые любимым сняться.

68.

* * *

Вот так во льдах зимуют корабли,
ночами снится им вода... вода...
Так изгнанные бродят короли,
и принц уходит в нищие вот так.
Молчи, моя гитара, на стене,
чтоб после, на ладони мне упав,
ты каждою струной осатанев,
вытягивала жилы... как набат.
Сыреет на антенах талый снег —
под солнцем снова стать ему грозой.
Так зреет на аренах алый смех,
подсоленный циркаческой слезой.
Ну, а пока зимуют корабли.
Над городом безмолвно кружит снег,
и изгнанные бродят короли,
и спит моя гитара на стене.

68.

Рассветы

Рассветы!
Вы тысячу раз петухами
по белому свету
бесстрашно распеты.
Рассветы.
И снова продрогшее Солнце
вступает во мрак,
как выходит разведчик
в разведку.
Рассветы.

Это когда,
разноцветный туман
сновидений развеял,
над сонной землей,
как ночной самолет,
просыпается парусный ветер.

А мой самолет,
подожженный зарей,
он у дня и у ночи на грани,
рискуя собой,
никого не зовет
и не хочет, не просит
награды.

Какие награды?
Причем здесь награды?
Вопрос разве в этом?
Ему просто надо,
чтоб утренней ранью
всегда наступали рассветы.

— Не гасни, горенье,
как красные гребни
над петухами!

— Погаснуть согласно,
чтоб Солнце не гасло,
не потухало...

***

Покоится где-то на месте
все то, что я сам перевез,
и Гоголя

«Страшною местью»
все то,

что в душе перенес
я молча

за черной баракой,
которой кормился не год.

Зачем я вставал спозаранку?—
Пускай сам господь разберет!—
ласкать карандаш и бумагу
с утра...

а потом —

по ночам...

Чтоб вслух,

наизусть,

без помарок

вам эту вот книгу начать.

СОДЕРЖАНИЕ

«Когда вопрос нелепый задают...» 5

После полета

«Ребенок начинает говорить...»	6
«Ты говоришь:— Три года это много...»	7
Вкус земли	7
Будни	8
После полета	9
Затяжной прыжок	10
Случай	13
Встреча	14
Стихи про пятую норму	16
Граница	17
Завещание воздушного стрелка	18
Репортаж с самолета, который «ушел в сторону моря»	19
Как я вернусь	22
Вдохновение	23
Утро на Патриарших прудах	24

Города моей юности

«Идут стихи. Они — вокруг да около...»	25
«Я мыл до блеска МАЗу рыло...»	26
Апрельский снег	27
«Всегда умен язык народный...»	29
Русская поэзия	29
Города моей юности	30
«В той глуши, где кровавая клюква...»	31
Северные Черемушки	32
Сахалинская столовая	33
Южно-Сахалинск	35
Кордон белых цапель	36

«Рисуют дети разноцветным мелом...»	38
Баллада о кавалерии	39
Негр	42
Шестидесятники	43
Триптих	44
Ипподром	47
Осень	48
Шампиньон	49
Слон	49
Динго	50
Занимательная библия	51
Из цикла «Свеча и сосны»	51

Рыбацкий хлеб

Невельск	53
Гостиница плавсостава	55
Отход	56
Собаки	58
Сеть	60
Киты	61
Голубая целина	62
Морские львы	65
Рыбацкий хлеб	66
Шатун	68
Интерлюдия	70
Тайфун	71
Эпилог	72

Сила тяжести

«Я год живу в дому стандартном...»	76
«Мой отец тает...»	77
Страницы биографии	79
Из цикла «Занимательная палеонтология»	81
«У каждого под крышкой черепной...»	82
Некоммуникабельность	83
«Сгорая в синем сабельном огне...»	83
Сила тяжести	85
Ведуты	87
«Когда мне говорить пытаются...»	90
Попытка непроизнесенного монолога	90
Полуночное благодарение	92
Похороны писателя	94

Величие коня	95
Комната	98
«Она придет, Большая Доброта...»	99
Диптрих	100
Монолог автомобильного моста	100
Занесенные снегом	104
Две гитарные песни	106
Рассветы	107
«Покоится где-то на месте...»	109

Александр Яковлевич Алишутов

ЗАТЯЖНОЙ ПРЫЖОК

Книга стихов

Редактор *П. М. Столповский*

Художественный редактор *В. Б. Осипов*

Технический редактор *А. Н. Вишнева*

Корректор *Т. И. Попова*

ИБ 1102

Сдано в набор 03.02.87. Подписано к печати 16.04.87.
 ЦО1129. Формат 70×90¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура
 «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 4,095;
 усл. кр.-отт. 4,17; уч.-изд. л. 4,91. Тираж 3000. Заказ
 № 3550. Цена 50 коп. Коми книжное издательство.
 167610. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, 229.

Республиканская типография Государственного комитета Коми АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 167610. Сыктывкар, ул. Пермская, 70.

50 к.

Коми
книжное
издательство
1987